

Собеседник — 1999 — № 13 — с. 10, 15

Поверите ль: до того, как сыграть главную роль в новом фильме Дениса Евстигнеева «Мама», Нонна Викторовна не снималась целую вечность. Пауза после «Родни» Никиты Михалкова длилась восемнадцать лет! А первой картиной Мордюковой стал снятый в 47-м году фильм «Молодая гвардия».

— Как думаете, Нонна Викторовна, когда Сергей Герасимов звал вас на роль Ульяны Громовой, он учитывал, что вы родом из тех краев, где разворачивались события романа Александра Фадеева?

— Глупости, ничего такого не было. Режиссеру внешность моя понравилась. Тогда молодогодвардейцев знал весь Советский Союз, их фотографии везде печатали, поэтому особенно смотрели на внешние данные актеров. Я была похожа на Ульяну Громову, вот меня и взяли.

— Хорошо вы стартовали. Сталинскую премию сразу получили.

— В 49-м году, еще студенткой. Но я все равно не стала бы говорить про удачный старт. Да из-за этой «Молодой гвардии» я потом несколько лет нигде не снималась! Мы настолько натурально сыграли молодогодвардейцев, что нам еще долго объясняли этим причины отказов: «Будут по экрану ходить Ульяны Громовы или Олег Кошевой, а у нас фильм о другом». Не брали нас. Очень трудно было. Голодали. Впрочем, тогда весь Советский Союз голодал. Но, конечно, не правительство. Ловкие люди уже строили дачки из красного кирпича, хотя осторожничали, не демонстрировали напоказ полные погреба еды, где на крюках висели окорока, колбасы. Но и тогда начальникам скучно было в одиночестве сидеть среди этого богатства, как на мясокомбинате, и они приглашали киноартистов. Мы соглашались. А как иначе? Поживешь в общаге на Лосиноостровской, где стены покрыты инеем, и куда угодно поедешь. Подкатывал шикарный «ЗИС-110», красным бархатом внутри обитый, мы садились в машину и ехали. Знали: целый день будет отличная кормежка, удастся суп с форелью отведать, всякие пирожные...

— Злость брала!

— Нет, мы же ничего не понимали, думали, что так и надо. Нам — одно, им — другое. Это Солнце, а это Луна. Кто-то шпалы кладет, а кто-то на скрипочке пикирует. У нас на операторском факультете парень учился, Гошка Земцов, он, помню, на перемене на пианино играл. Я думала, что есть люди, которые рождаются с этим умением. То есть у них судьба такая: на скрипке играть и пирожные есть. А нам деликатесы полагаются, если в гости пригласят. Нет, мы не понимали, у нас была пропущена какая-то клетка соединительная.

Как-то раз я возвращалась в общежитие. И вдруг случайные попутчики, муж с женой, ехавшие из леса с грибами, предлагают: «Вылазь! Мы тут рядом живем. Пойдем к нам, покушаем». Сейчас так не говорят, а когда царил голод всемирная, приглашение покушать заменяло приветствие, служило знаком расположения. А вид у меня был — не ошибешься, сразу угадаешь, кто я и что. Худая, молодая... «Сейчас покушаем. Грибочки пожарим с картошечкой». Мы хорошенько поели и пошли гулять в Шереметевский дворец в Кулково. Медленно шли по музею, рассматривали все вокруг. Я тогда впервые увидела богатство. Для меня это было как хвост от Солнца. Представить, что я могла бы жить в таком дворце? Исключено! Это не для меня, для других, особенных людей. Поэтому и зависти не было. Я даже о другом думала: здесь же неудобно, холодно, наверное, да и картинное все какое-то.

Это теперь я все понимаю, знаю, как живут в таких дворцах. А главное — кто.

— Хотели бы поселиться где-нибудь по соседству!

— Для этого химичить надо, а я не умею. По-другому воспитана. Бывает, выступаешь на

творческом вечере, самочувствие неважное, уйти бы со сцены, а я вместо этого заливаю в себя капли Вотчала...

— Что за капли!

— Сердечное средство. Выпьешь, чуть раздухаришься и продолжаешь выступление. А как жить? На пенсию? Или воровать? Нам мама с детства говорила: закон — это святое. И перед смертью повторила: «Дети, главное, чтобы к вам не ходила милиция. Жить надо честно». Мы всегда это помнили. Не могу вообразить, чтобы кто-то из нас шестерых взял хотя бы нитку чужую! Да и о том, что деньги пахнут, мы не забываем. Мне, к при-

меру, недавно предложили: «Поедем в гости к Лебедю, чести-реста долларов за это получишь!» Я ахнула и до сих пор удивляюсь.

— Что значит «в гости»!

— Мне знакомая говорит: «Лебедь хочет сыграть с тобой партию в шахматы!»

— И готов за это платить?

— Нет, платил бы не он, а те, кто думает его в президент-ты выдвигать. Мне частенько звонят незнакомые люди и предлагают за деньги кого-то поддержать. Я к этому спокойно отношусь, но чтобы за Лебеда деньги брать! После чеченского поступка Александр Иванович для меня уникален! Пусть он теперь что угодно делает — хоть телогрейки шьет, хоть без пользы на балконе сидит, — он герой! Человек за три часа установил кровопролитнейшую войну! Сколько тысяч мальчиков

ла, что какой-то дядька заплатит четыреста рублей, то есть долларов, сказала: «К Лебедю — за деньги?! Нет, товарищи! Я в это не играю!»

— У вас же племянник в чеченском плену сидит!

— Ой, страшная история, такая страшная! Илюша работал на НТВ, его и взяли в заложники вместе с Леной Масюк и Димой, звукооператором. Ельцин потом дал каждому из освобожденных по хорошей квартире с евро-ремонт, но разве забудешь три месяца сидения в погребе — на корточках, с руками, засунутыми под мышки? Они терпели это, надеялись на освобождение. Моя сестра, мама Ильи, ходила к Белому дому, просила, чтобы ее обменяли на сына, но Тане объяснили, что освобождением пленных занимаются очень серьезно, надо ждать. Мы верили: все закончится благополучно.

Нонна Мордюкова и ее торба

ходят живыми вместо того, чтобы пасть в горах Кавказа! Спасибо Лебедю!!! Это же исторический поступок, выше которого вряд ли найдешь! Какой там Гиннесс?

— Но, наверное, войну все же прекратил не один Лебедь.

— Когда они с Масхадовым в шалаше сидели, их было двое.

— Так вы встретились с Александром Ивановичем, в шахматы сыграли?

— Боже сохрани! Едва узна-

— А где сейчас живут ваши братья и сестры?

— Все здесь, в Москве и в окрестностях — в Люберцах, в Химках. Я их за собой перетянула, когда родители умерли. Один брат на авиационном заводе работает, второй — военный, сейчас в отставке. А три сестры повыходили замуж в Москву. Как учились здесь в институте, так и надыбали себе мужей.

Мне мама сказала, слеза катилась по щеке: «Доченька, доведи всех до ума!» Это такое выражение в народе: раз старшая в семье, то отвечаешь за младших, должна помочь им получить образование, встать на ноги. Поэтому я очень поздно начала появляться в обществе, мне же нечего надеть было, все деньги на семью шли: кофточка — одной сестре, галоши — другой, портфель и учебники — третьей. А накормить всех? Трудно жилось, но наше поколение выстояло. Мы были монолитными, такими и остались. Когда вместе собираемся, обязательно поем наши кубанские песни — хорошо, чисто. Нас мама научила, она в церкви пела, на клиросе, у нее был идеальный слух.

— А я читал, будто она работала председателем колхоза.

— Не вечно же она председательствовала! Это ведь выборная должность. Как ходила беременной или мы маленькие появлялись, оставляла работу, а потом ее опять выбирали. Хорошо трудилась, была коммунисткой яркой...

— И в церкви пела!

— Так это же

в детстве, в

девятilet-

нем воз-

расте!

Время

бесконеч-

ной голоду-

хи, а певцам

батюшка пам-

пушечки вку-

сные давал. В

деревнях

жили тогда

плохо,

бедно. И

счастье,

что в на-

шей семье

нет никого,

кто вдруг

чокнулся бы

на каких-то

тряпках, ш-

мотках. За-

видевать чужой

норковой

убке? Нет, у нас

интересы,

расти другие.

Окончание на стр. 15

Нонна Мордюкова о съемках в фильме «Мама»:

— Если бы это была история о тех Овечкиных, которые в действительности угнали самолет, то там любая актриса могла бы мать играть, но режиссер хотел, чтобы я снималась, потому что кино не об Овечкиных...

фотограф Валерий Плотников

